

УДК 72.036

К ПРОБЛЕМЕ «НАЦИОНАЛЬНОГО» В АРХИТЕКТУРЕ СОВЕТСКОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ 1955–1991 ГГ. (УЗБЕКИСТАН, КАЗАХСТАН, КЫРГЫЗСТАН)

Григорий Максимович Поляков

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

g.m.poliakov@urfu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются факторы формирования «национального» в советской архитектуре Центральной Азии 1955–1991 гг. на примере Узбекистана, Казахстана и Кыргызстана. Изучаются особенности развития архитектурно-строительной практики СССР в аспекте трансформации интернационального языка архитектуры модернизма под «национальные традиции» республик. Описывается сложный, нелинейный характер обращения советских зодчих к традициям национальной архитектуры. Вводится в научно-исследовательский дискурс новый подход для фиксации специфики «национального» в советской архитектуре Центральной Азии, помогающий определить художественную ценность конкретного сооружения.

Ключевые слова: советский модернизм, архитектура СССР, регионализм в архитектуре, архитектура Центральной Азии, национальное в архитектуре

Для цитирования: Поляков, Г. М. К проблеме «национального» в архитектуре Советской Центральной Азии 1955–1991 гг. (Узбекистан, Казахстан, Кыргызстан) [Текст] / Г. М. Поляков // Сибирский искусствоведческий журнал. – 2025. – Т. 4. – № 1. – С. 18–32.

ON THE PROBLEM OF THE «NATIONAL» IN THE ARCHITECTURE OF SOVIET CENTRAL ASIA 1955-1991. (UZBEKISTAN, KAZAKHSTAN, KYRGYZSTAN)

Grigorii Maksimovich Poliakov

Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia.

g.m.poliakov@urfu.ru

Abstract. The article examines the factors of the formation of the «national» in the Soviet architecture of Central Asia in 1955-1991 on the example of Uzbekistan, Kazakhstan and Kyrgyzstan. The features of the development of the architectural and construction practice of the USSR in the aspect of the transformation of the international language of modernist architecture under the «national traditions» of the republics are studied. The complex, non-linear nature of the appeal of Soviet architects to the traditions of national architecture is described. A new approach is introduced into the scientific research discourse to fix the specifics of the «national» in the Soviet architecture of Central Asia, which helps to determine the artistic value of a particular structure.

Keywords: Soviet modernism, architecture of the USSR, regionalism in architecture, architecture of Central Asia, national in architecture

For citation: Polyakov, G. M. (2025). On the problem of the «national» in the architecture of Soviet Central Asia, 1955–1991 (Uzbekistan, Kazakhstan, Kyrgyzstan) (in Russian). Siberian Art History Journal, 4(1), 18–32.

В архитектурно-строительной практике СССР 2-й пол. XX в., именуемой сегодня отечественными и зарубежными исследователями эпохой «советского модернизма», архитекторами разрабатывались уникальные художественные вариации модернистского языка советского зодчества, основной задачей которого являлась попытка наделить «национальным» звучанием, «местным своеобразием» гражданские сооружения азиатских республик. Начиная с 1970-х гг. в каждой из них были созданы архитектурные объекты, транслирующие, по мнению современников, в своих образах, формах и композиционных приемах черты «национальной» архитектурной и художественной культуры.

Одновременно со строительством новой «национальной» архитектуры 1970-х гг. в исследовательской среде появляется дискуссионность относительно рассмотрения феномена «национального» в республиканской архитектуре. Исследователи, которые в основном принадлежали к московской архитектуроведческой школе, пытались изучать взаимодействие «национального» и «интернационального» (А. В. Рябушин [Рябушин, 1986], Ю. С. Яралов (Яралов, 1985) и др.) и формулировать различия «национального» и «регионального» (С. С. Айдаров (Айдарова-Волкова, Краснобаев, 2014)). С середины 1970-х гг. советские архитекторы и ученые из политического «центра» советского государства рассматривали обращение к «национальной традиции» как к важному способу преодоления «абстрактности» и «невыразительности» функционалистской архитектуры. Тогда как для республиканских проектировщиков использование образов и элементов «национального своеобразия традиционного зодчества» (Астафьева-Длугач, 1987: 332) при проектировании архитектурных сооружений становилось

значимым средством утверждения национальной идентичности.

Однако интерпретация «национального» в архитектурной практике центральноазиатского региона СССР не становилась темой специального исследования, и до сих пор этот аспект остается практически неизученным.

В конце советского периода и особенно со времен распада СССР острота дискуссии о теме «национального» в архитектуре приобретает региональную окрашенность. Поиск «своего исконного» становится принципом для описания любых используемых элементов исторического зодчества в зданиях и архитектурных сооружениях (Р. М. Муксинов, К. И. Самойлов и др.). Основной целью исследований с данной проблематикой являлась демонстрация актуальности республиканских проектных решений в рамках общесоветской архитектурной практики.

В трудах современных авторов из Центральноазиатского региона сохраняется общая коннотация «национального» (Б. У. Куспангалиев, Е. Г. Малиновская, С. М. Мамаджанова и Р. С. Мукимов, С. Р. Мукимова, Э. Т. Мурзагалиева и др.). Однако в большей степени она вызвана определенным центризмом республиканских научных исследований, рассматривающих в качестве «национального архитектурного наследия» все сохранившиеся памятники средневекового зодчества в пределах политических границ своих государств. Таким образом, сложившаяся на сегодня рецепция «национального» в архитектуре не позволяет точно выявить и описать архитектурные памятники эпохи советского модернизма в Центральной Азии, отразить уникальность разработанных архитектурных решений, что в свою очередь влияет на современное проектирование «национальной» архитектуры в указанных регионах.

Целью данного исследования является определение историко-

культурных оснований «национального» в архитектурной практике советских республик Центральной Азии в 1955–1991 гг. на примере Узбекистана, Казахстана и Кыргызстана. Предлагаемый далее подход рассмотрения обозначенного феномена основан на выявлении двух факторов, позволяющих наиболее точно проиллюстрировать специфику его формирования и последующего использования при проектировании зданий и архитектурных сооружений.

Первым и наиболее значимым фактором определения «национального» в изучаемом регионе является ориентация советских исследователей и архитекторов на рассмотрение выдающейся исторической эпохи – политического и культурного господства Империи Тимуридов (XIV–XV вв.), центром которой был Мавераннахр – историко-географическая территория, включавшая в себя современные Узбекистан, Таджикистан и Кыргызстан. Яркие примеры, иллюстрирующие особую значимость Тимуридской архитектуры, расположены в Самарканде. Особенно можно выделить мавзолей Гур-Эмир, медресе Регистана, мечеть Биби-Ханым и группу мавзолеев Шахи-Зинда. Архитектурные памятники исследуемой эпохи восприняты первыми советскими исследователями и архитекторами в качестве значимого архитектурно-художественного ориентира для последующего использования его элементов и образов в архитектурной практике. В рамках исследования для

обозначения данного фактора предлагается к введению в научно-исследовательский дискурс термин «среднеазиатский регионализм»¹.

Тимуридская архитектура в минувшие исторические эпохи стала для Центральной Азии визуальным образцом, «новым стилем» [5, с. 42], определившим архитектурные реминисценции – «воскрешения образов средневекового монументального зодчества Средней Азии» [6, с. 283], возникшие в XX в. Особое значение в данном случае приобретает советская концепция формирования культурных паттернов, ориентированная на выявление значимых визуальных образцов для их последующей интерпретации в различных государственных целях [7, с. 3]. Возвышающиеся над городским пространством бирюзовые купола Регистана, величественно декорированные флоральным и геометрическим орнаментом – гирих со стройной вязью куфического письма порталы-пештак, аркадные лоджии, монументальные пространственные композиции, внутренние двory с обязательным воссозданием символа жизни – фонтана, декоративные решетки – панджара и утонченная резьба по ганчу (Пугаченкова, 1958: 47) формировали впечатление, единый образ «среднеазиатской архитектуры», который использовался советскими зодчими для надления архитектурных сооружений «национальным» – «среднеазиатским» звучанием, хоть и в усредненном его исполнении. Такие здания создавались на

¹ Наименование «среднеазиатский» будет использоваться при формулировании вводимого в данном исследовании термина «среднеазиатский регионализм» вследствие стремления указать на направленность его применения исключительно для архитектурной практики советских республик центральноазиатского региона, именуемого в СССР «Средней Азией». Именно для республик, являющихся в советский период

частью «Средней Азии», «среднеазиатский регионализм» являлся значимой чертой для конструирования «национального» в архитектуре. В данной работе термины «Средняя Азия» и «Центральная Азия» используются как синонимичные несмотря на включение в последний большего количества регионов для использования более точных и современных научных формулировок.

территории всей советской Центральной Азии в качестве архитектурных символов становления «национального самосознания».

Сформировавшееся восприятие Тимуридской архитектуры у советских проектировщиков было непосредственно связано с активным изучением и первыми попытками реставрации сохранившихся памятников «среднеазиатского» зодчества в 1930–1950-е гг., а также проведением в данном регионе в 1920–1940-е гг. археологических экспедиций и созданием в 1930-е гг. Научно-исследовательского института искусствознания УзССР. Среди наиболее значимых работ стоит указать исследования Б. П. Денике «Архитектурный орнамент Средней Азии» (1939 г.), Б. В. Веймарна «Регистан в Самарканде» (1946 г.), «Архитектурно-декоративное искусство Узбекистана» (1948 г.) и «Архитектура республик Средней Азии» (1951 г.), Б. Н. Засыпкина «Архитектура Средней Азии» (1948 г.), Л. И. Ремпеля «Панджара. Архитектурные решетки и их построение» (1957 г.), Г. А. Пугаченковой и Л. И. Ремпеля «Выдающиеся памятники архитектуры Узбекистана» (1958 г.). С 1970-х гг. изучение памятников средневекового зодчества советской Центральной Азии характеризуется «стремительным ростом объемов исследовательских, проектных и реставрационных работ» (Пугаченкова, Маньковская, 1984). Особое внимание уделяется вопросу сохранения памятников исторической архитектуры Узбекской ССР в рамках активного градостроительного процесса и модернизации городских пространств. Активные дискуссии по данному вопросу велись на страницах журнала «Архитектура и строительство Узбекистана». Так, среди наиболее значимых исследователей обозначенного исторического периода можно выделить Г. А. Пугаченкову, И. И. Ноткина, Ш. Д. Аскарлова, В. А. Нильсена, В. Л. Воронину, Ю. З. Шваба, П. З. Захидова, Р. А. Салимова и др.

Особую роль в рассмотрении обозначенного вопроса имели государственные и общественные учреждения Советского Узбекистана по сохранению и реставрации материального культурного наследия: Республиканское общество охраны памятников истории и культуры, Среднеазиатская региональная группа Комитета ИКОМОСа, УзНИПИреставрации, УзИСКЭ. Деятельность по изучению, осмыслению и сохранению архитектурного наследия Тимуридов оказывает значительное влияние на интеллектуальную рефлексию республиканских архитекторов, выраженную в том числе через публикацию различных «рецензий» и «авторских мнений» в ведущих советских периодических изданиях и альманахах. Примером подобной работы является альманах «Архитектура Узбекистана» под редакцией М. С. Булатова, 1985 г.

Первые проекты, направленные на разработку в советской архитектурной практике подхода по сочетанию признанной в СССР направленности архитектурно-художественных изысканий и «среднеазиатского регионализма», были реализованы в период развития архитектурной системы сталинского неоклассицизма. Яркими примерами данной тенденции являлись проекты Государственного театра оперы и балета им. А. Навои (арх.: А. В. Щусев, 1947 г., г. Ташкент, Узбекская ССР) (рис. 1), здание Академии наук Казахской ССР (арх.: А. В. Щусев, 1957 г., г. Алма-Ата, Казахская ССР) (рис. 2), здание Гидромелиоративного техникума (арх.: Е. Г. Писарской, 1961 г., г. Фрунзе, Киргизская ССР) (рис. 3).

Рис. 1. Государственный театр оперы и балета им. А. Навои, арх.: А. В. Щусев, 1947 г., г. Ташкент, Узбекская ССР.

Рис. 2. Академия наук Казахской ССР, арх.: А. В. Щусев, 1957 г., г. Алма-Ата, Казахская ССР.

Рис. 3. Здание Гидромелиоративного техникума, арх.: Е. Г. Писарской, 1961 г., г. Фрунзе, Киргизская ССР.

В эпоху советского модернизма республиканские проектировщики продолжают поиск способов конструирования «национального» в образах зданий и архитектурных сооружений посредством обращения к Тимуридским паттернам и деталям. Архитекторы советских Узбекистана, Казахстана и Кыргызстана, ориентируясь

на наследие «выдающейся эпохи», разрабатывали вариативные решения по использованию «среднеазиатского регионализма» в архитектурно-художественной практике.

В архитектуре столицы Узбекской ССР – Ташкенте было построено значительное количество памятников «советского модернизма» преимущественно культурно-бытового и туристического назначения, проявляющих в конструктивных и композиционных решениях черты «среднеазиатского регионализма». Важно отметить, что большинство зданий, в образах которых используется обращение к «национальной» архитектуре «Средней Азии», создавались архитекторами, не являющимися носителями данных культурных традиций, многие из которых прибыли в Узбекистан для восстановления столицы после Ташкентского землетрясения 1966 г. (Курапова, 2016: 5). Так, в рамках представленного исследования можно отметить следующие проекты: Гостиница «Узбекистан» (арх.: И. А. Мерпорт, Л. И. Ершова, В. С. Рошупкин, 1974 г., г. Ташкент, Узбекская ССР), Чайхана по ул. Самарканд Дзарба (арх.: С. М. Сутягин, 1977 г., г. Ташкент, Узбекская ССР) (рис. 4), здание Национальной бани (хамом) в Октябрьском районе (арх.: А. С. Косинский, Г. С. Григорьянц, Р. А. Ахмедов, 1977 г., г. Ташкент, Узбекская ССР), Гостиница «Москва» (арх.: В. Л. Спивак, 1983 г., г. Ташкент, Узбекская ССР) (рис. 5) и др.

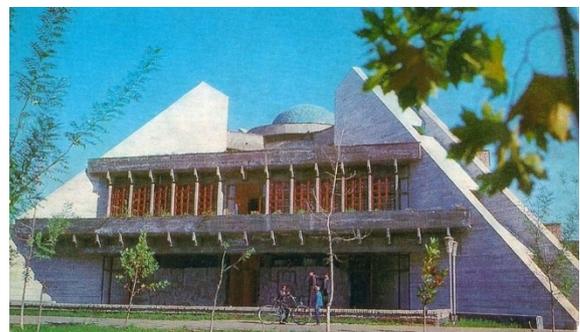

Рис. 4. Чайхана по ул. Самарканд Дзарба, арх.: С. М. Сутягин, 1977 г., г. Ташкент, Узбекская ССР.

Рис. 5. Гостиница «Москва», арх.: В. Л. Стивак, 1983 г., г. Ташкент, Узбекская ССР.

Одним из ярких примеров реминисценции Тимуридского зодчества в советской модернистской архитектуре Узбекистана является проект крытого рынка в Октябрьском районе г. Ташкент (1980 г.) (рис. 6), подготовленный узбекскими архитекторами В. Азимовым и С. Р. Адыловым. Несмотря на то, что подобные конструктивные решения, использованные в проекте здания закрытого торгового павильона, были достаточно характерными для архитектурных сооружений торгово-рыночного назначения на территории СССР, архитектурно-художественная составляющая оформления фасада, выполненная из бирюзовой глазури с цитированием элементов узбекского орнамента, позволяет проследить достаточно сильное обращение проектировщиков к образам величественных куполов мечетей

средневекового Самарканда. Дополняет созданный «национальный» образ крытого рынка окаймляющая по всему периметру объема, выявленная из его плоскости аркатура слегка заостренной стрельчатой формы, заполненная по проекту архитекторов декоративными элементами, напоминающими по своему исполнению решетки – панджары, замененные при реализации на крупно сегментированные оконные проемы слегка вытянутой прямоугольной формы.

Рис. 6. Крытый рынок в Октябрьском районе г. Ташкент, арх.: В. Азимов и С. Р. Адылов, 1980 г., г. Ташкент, Узбекская ССР.

Реминисценции на архитектурное наследие Тимуридской эпохи имели сильное влияние на проектировщиков из Казахской и Киргизской ССР. Однако обращение к «среднеазиатскому регионализму» приобретало для них вторичный характер. Объектом осмысления в данном случае являлась сформированная в Узбекской ССР архитектурно-художественная практика. Перерабатывание подготовленных архитекторами Узбекистана конструктивных и композиционных решений приводило к определенному усреднению, схематизации свойств «среднеазиатского регионализма», что в свою очередь вызывало подготовку менее выразительных, детально проработанных архитектурных проектов.

Так, для Казахской ССР примером архитектурного проекта, наделенного

чертами «среднеазиатского регионализма», является здание Республиканского дворца пионеров (арх.: В. Н. Ким, А. П. Зуев, Т. С. Абильдаев и др., 1983 г., г. Алма-Ата, Казахская ССР) (рис. 7). Центром композиции здания является объем сферической формы, на который нанизываются по спирали архитектурные павильоны. Важной частью созданного архитектурного комплекса является воспроизведение значимых для «среднеазиатского регионализма» архитектурных элементов: купола с высокими барабаном, возвышающимся над центральным объемом, и стройной башней-минаретом, также увенчанной куполом. Законченная архитектурная композиция дворца пионеров формирует сильную визуальную связь с образом исламской архитектуры Тимуридов, для которых особое звучание приобретает конструкция купола, выступающего в качестве «ядра» выстраиваемого архитектурного плана сооружения (Пугаченкова, 1958: 44).

Рис. 7. Республиканский дворец пионеров, арх.: В. Н. Ким, А. П. Зуев, Т. С. Абильдаев и др., 1983 г., г. Алма-Ата, Казахская ССР.

Примером «среднеазиатского регионализма» в архитектурно-строительной практике Киргизской ССР является проект архитектурного комплекса Ошского рынка в г. Фрунзе (арх.: А. М. Нежурин, Ю. А. Чубаров, В. А. Петренко, 1983 г., г. Фрунзе, Киргизская ССР) (рис. 8). Рыночный

комплекс в плане состоит из центральной магистрали-улицы, по периметру которой выстроены рыночные павильоны. Их простые геометрические объемы, преимущественно выполненные в форме правильного четырехугольника, буквально окаймлены различными архитектурными сооружениями, связанными с архитектурными образами среднеазиатского зодчества. Среди них можно выделить, например, псевдооборонительные башни высотой в два этажа с фиксирующими монолитными пилонами и небольшими бойницами – ступенчатыми гранями завершения плоскости фасада башни. Значимым архитектурным решением Ошского рынка является регулярное использование характерного для «среднеазиатского регионализма» композиционного решения – создание открытых галерей айванов, перекрытых с одной стороны аркадными конструкциями. Образ арки также используется для создания центральной входной группы Ошского рынка. Необходимо отметить, что в архитектурной практике Советского Кыргызстана 1970–1980-х гг. особое значение для проектировщиков приобретают образы средневековых оборонительных сооружений Центральной Азии, что в свою очередь может свидетельствовать о стремлении республиканских архитекторов развить набор свойств «среднеазиатского регионализма».

Рис. 8. Ошский рынок, арх. А. М. Нежурин, Ю. А. Чубаров, К. Назаров и др., 1983 г., г. Фрунзе, Киргизская ССР.

«Среднеазиатский регионализм» в указанный исторический период сохраняет свое фундированное положение в советской архитектурной практике центральноазиатского региона и, трансформируясь с учетом специфики модернистского формообразования, оказывает значительное влияние на конструируемые архитектурные образы в Узбекистане, Казахстане, Кыргызстане.

Однако единая на первый взгляд историческая архитектурная практика, какой она воспринималась для советских архитекторов, не являющихся носителями значимых для Центральной Азии традиционных культур, не была столь однозначна. Так, параллельно расцвету Империи Тимура начинается становление на территории центральноазиатского региона иной, номадической культуры, представителями которой являлись тюркские народы (казахи, кыргызы, уйгуры и др.), переселившиеся на территорию Центральной Азии с начала IX по XV вв. Кочевой уклад жизни не предполагал развития архитектурной практики в ее статичных и зафиксированных в пространстве формах, определив специфику конструктивных решений и иной принцип построения архитектурных композиций (Халит, 2011: 51).

Поэтому вторым фактором определения специфики «национального» в советской Центральной Азии, на наш взгляд, является обращение проектировщиков Казахской и Киргизской ССР к традиционным номадическим образам. Для обозначения данного фактора в рамках представленного исследования будет использоваться термин «народное/кочевое». Именно подобное наименование обозначенной черты поздней советской республиканской архитектуры позволит наиболее точно отделить данное явление от «среднеазиатского регионализма».

Думается, что рассматриваемый фактор не был обозначен в работах советских исследователей в силу того, что проблема «национального» изучалась с точки зрения архитектуроведческих позиций, ориентированных, в первую очередь, на исследование поступательного характера развития архитектурной практики. Тогда как кочевая архитектурная традиция не имела в «европейском» понимании таковой системы и в большей степени была сконцентрирована на сохранении устоявшихся форм. «Национальное/кочевое» как фактор для конструирования «национальной» архитектуры стал более значимым для республиканских исследователей из Казахстана и Кыргызстана после распада СССР, когда начался активный процесс утверждения «национального» в каждой из обозначенных территорий. Процесс осмысления данного феномена продолжается до сих пор.

Архитектура кочевых народов зиждется на основе специфического уклада жизни номадов, сопряженного с идеей постоянного перемещения вслед за природной стихией. Для кочевника архитектура в ее «европейском» значении не являлась способом упорядочивания окружающего мира. Уникальный уклад жизни номадов требует создания пространства, защищенного от мирового хаоса и способного выстроить для человека собственный микрокосм. Данные свойства кочевой архитектуры воссоздаются в жилых передвижных сооружениях (юртах), обеспечивающих пространство безопасности от природной стихии и поддерживающих сохранение и преобразование элементов материальной культуры (Поляков, 2023). Важно также отметить неразрывную связь кочевой архитектуры и декоративно-прикладного искусства, в своей совокупности определяющих визуальный образ сооружений кочевого зодчества.

Данная природа «национальной» номадической архитектуры казахов и

кыргызов отличала ее от узбекской отсутствием поступательного развития архитектурной практики, наиболее значимым и заметным достижением которой и являлась Тимуридское зодчество. Именно поэтому «Среднеазиатский регионализм» с его реминисценциями на величественные постройки Самарканда не мог в полной мере трактоваться в качестве «национальной» архитектурной практики для советских Казахстана и Кыргызстана несмотря на существование отдельных архитектурных памятников на данных территориях, построенных с обращением к традициям узбекского зодчества (Глаудинов и др., 1987: 24).

Еще в начале советской эпохи наследие кочевых народов Центральной Азии трактовалось как «отсталое» (Денике, 1939: 3), «темное прошлое» (Нусов, 1971). Немногочисленные исследования художественной культуры казахов и кыргызов в большей степени были ориентированы на первичное описание специфики декоративно-прикладного искусства данных народов, фиксирование его художественных элементов практически без детального научного осмысления (Е. А. Клодт, М. В. Рындин и др.). Именно поэтому в эпоху сталинского неоклассицизма в Казахской и Киргизской ССР обращение к «народному/кочевому» в архитектурной практике не было актуальным решением.

Однако стоит отметить немногочисленные проекты, подготовленные в рамках данного периода архитекторами из Советского Кыргызстана. Их изучение позволяет зафиксировать особенности конструирования «народного/кочевого» в рассматриваемых национальных республиках через обращение к цитированию полусферической конструкции юрты и воспроизведению элементов национальной орнаментики. Обозначить применение подобных решений можно в следующих проектах:

Музей национальной культуры Киргизской ССР (арх.: В. В. Верюжский, 1945–1947 гг., г. Фрунзе, Киргизская ССР) (рис. 9), павильон «Соки и воды» (арх.: А. М. Альбанский, 1952 г., г. Фрунзе, Киргизская ССР) (рис. 10).

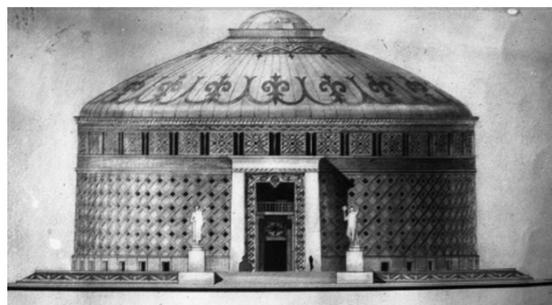

Рис. 9. Музей национальной культуры Киргизской ССР, арх.: В. В. Верюжский, 1945–1947 гг., г. Фрунзе, Киргизская ССР (проект).

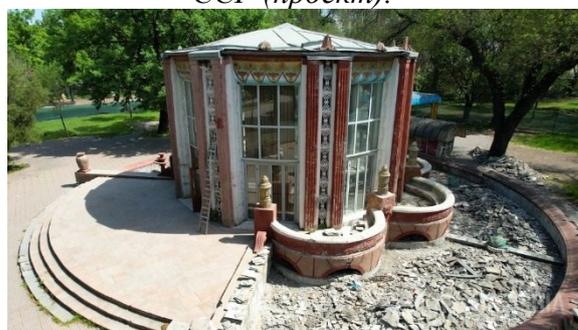

Рис. 10. Павильон «Соки и воды», арх.: А. М. Альбанский, 1952 г., г. Фрунзе, Киргизская ССР.

Со 2-й пол. XX в. изучение номадизма в советской науке начинает развиваться более системно. Так, одновременно с актуализацией на всесоюзном уровне значения сохранения культурного наследия республиканские исследователи, имеющие родовую связь с казахским и киргизским этносами, приступают с конца 1960-х гг. к рассмотрению особенностей кочевой художественной культуры (А. Х. Маргулан, Н. А. Оразбаев, Д. Т. Уметалиева и др.). В советском архитектуроведении проблематика кочевого зодчества оставалась нераскрытой. Исследователи из Казахской и Киргизской ССР, формируя историю республиканской архитектуры, по-

прежнему больше внимания уделяли постройкам, созданным под влиянием «средневековых узбекских школ» (Б. Глаудинов, А. С. Карпыков, М. Г. Сейдалинов, Е. Г. Писарской, В. Е. Нусов и др.). Создание более значительных исследований, посвященных истории кочевого зодчества казахов и кыргызов, будет начато в конце XX – начале XXI вв.

Однако запрос республиканского руководства на придание «национального облика» (ЦГА) городов и все большую интегрированность «местных» архитекторов в градостроительную практику направляли архитектурно-художественные поиски непосредственно в эпоху советского модернизма. Именно поэтому использование «народного/кочевого» в архитектуре советских Казахстана и Кыргызстана имело несколько стихийный и несистемный характер.

Так, в Советском Казахстане особое значение в эпоху советского модернизма для республиканских проектировщиков имела разработка интернациональной образности советской архитектурно-художественной практики с преимущественным обращением к «отечественной и мировой классике» (Глаудинов и др., 1987). Интеграция «народного/кочевого» в композиционные решения предполагаемых к возведению архитектурных проектов не являлась распространенной проблематикой, имела несколько усредненный характер и в основном была представлена воспроизведением полусферических купольных элементов, по своему объемно-пространственному решению напоминающему конструкцию юрты. Подобный подход к выявлению «народного/кочевого» мы можем, например, обозначить при анализе здания Лечебно-оздоровительной бани «Арасан» (арх.: В. Т. Хван, М. Оспаров и др., 1982 г., г. Алма-Ата, Казахская ССР) (рис. 11). Так, экстерьер сводчатых перекрытий

непосредственно банных помещений по своему исполнению напоминает казахскую юрту благодаря выявлению в данной конструкции характерных элементов – жердей купола данной архитектурной формы – *уык*, и увенчивающую рассматриваемую архитектурную композицию перекрытия, напоминающего по своему образу *шанырак* (полая конструкция в центре крыши юрты округлой формы). Данная тенденция развития архитектурной практики Казахской ССР может свидетельствовать о стремлении выработать системный подход по формированию национальной архитектурной школы, в большей степени ориентированной на архитектурно-художественные поиски «столичных» архитекторов.

Рис. 11. Лечебно-оздоровительная баня «Арасан», арх.: В. Т. Хван, М. Оспаров и др., 1982 г., г. Алма-Ата, Казахская ССР.

Иная ситуация сложилась в архитектурной практике Киргизской ССР, проектировщики из которой стремились уже с середины 1970-х гг. разработать уникальный язык «национальной» архитектуры на основе обращения к «народному/традиционному». Первым наиболее значимым проектом, подготовленным в рамках обозначенной тенденции, являлся ресторан на 550 мест для ВДНХ Киргизской ССР (арх.: А. И. Куделя, А. Джумакалиев, С. А. Еремеев, 1978 г., г. Фрунзе, Киргизская ССР) (рис. 12). По своему композиционному решению данный архитектурный ансамбль состоял из круглогодичного помещения ресторана с

кухней, выполненного в интернациональном стиле, и трехлетних веранд, расположенных по периметру центрального сооружения и напоминающих по образу традиционные юрты кыргызов. Конструкция летних веранд буквально цитирует архитектурные элементы юрты, воспроизводя дверную раму – *босого*, стены-решетки – *кереге* и дымник – *тундук*. Важной частью подготовленного проекта являлось достаточно точное воспроизведение принципов оформления войлочного покрытия каркаса юрты, а именно выявление служащего для его закрепления арканов и цветной тесьмы, орнаментированной кыргызским узором (например, с использованием элемента «сокол»). Фактическое копирование образа кыргызской юрты, безусловно, вызывало значимые для становления «национального» самосознания впечатления, однако, что важно отметить, не формировало устойчивого принципа использования «народного/кочевого» в модернистской практике Советского Кыргызстана. К подобным проектам можно отнести следующие: комбинат общественного питания «Нарын» (арх.: В. В. Боровиков, З. К. Шамбетов, 1984 г., г. Фрунзе, Кыргызская ССР), гостиница «Иссык-Куль» (арх.: К. М. Алыкулов, К. Ибраев, С. Б. Нургазиев, М. О. Керимкулов и др., 1984 г., г. Фрунзе, Кыргызская ССР) (рис. 13), общественная баня на 200 мест в г. Фрунзе (арх.: А. В. Согонов, Ш. Т. Насыпкулов, С. В. Белянчиков, 1985 г., г. Фрунзе, Кыргызская ССР) (рис. 14).

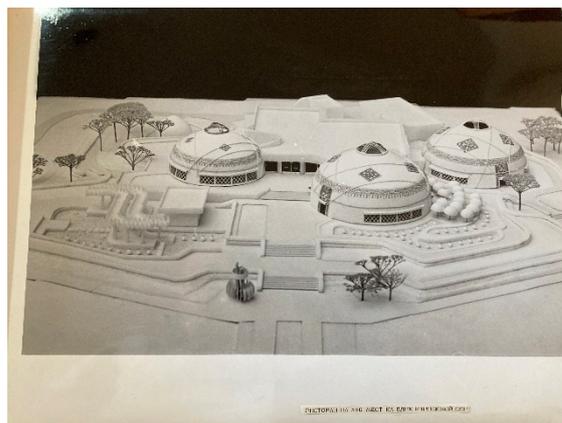

Рис. 12. Ресторан на 550 мест для ВДНХ Кыргызской ССР, арх.: А. И. Куделя, А. Джумакалиев, С. А. Еремеев, 1978 г., г. Фрунзе, Кыргызская ССР (проект).

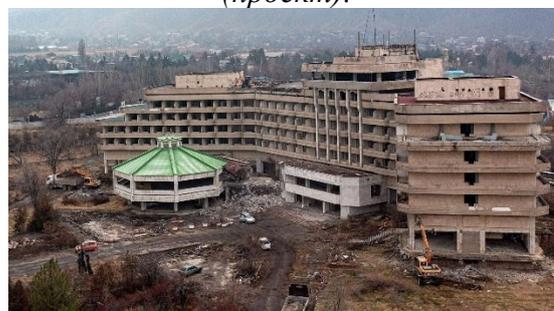

Рис. 13. Гостиница «Иссык-Куль», арх.: К. М. Алыкулов, К. Ибраев, С. Б. Нургазиев, М. О. Керимкулов и др., 1984 г., г. Фрунзе, Кыргызская ССР.

Рис. 14. Общественная баня на 200 мест в г. Фрунзе, арх.: А. В. Согонов, Ш. Т. Насыпкулов, С. В. Белянчиков, 1985 г., г. Фрунзе, Кыргызская ССР.

Наиболее значимым с точки зрения разработки образов «народного/кочевого» в архитектуре Кыргызской ССР являлся проект Библиотеки им. В. И. Ленина (арх.: С. Б. Нургазиев, К. Ибраев, Р. К. Асылбеков и др., 1984 г., г. Фрунзе, Кыргызская ССР) (рис. 15). При проведении

искусствоведческого анализа данного сооружения важно указать на особую трактовку фасадов библиотеки, имеющих сложное художественное исполнение, буквально выявляющее киргизскую традицию наслоения декоративных элементов на поверхность каркаса. Так, центральная грань объема визуально делится на две части: основание, поверхность которого окаймлена крупными пластическими элементами, буквально нанизывающимися друг на друга (вертикальные элементы на горизонтальные) и напоминающими по своему образу символы традиционного киргизского орнамента (например, голову коровы в более графичном исполнении), и «монолитную мраморную плиту» (Годовой технический отчет проектной организации «Киргизгипрострой», 1980: 13), чуть нависающую над орнаментированным основанием, с небольшими вкраплениями узких по своей форме оконных проемов. На боковых фасадах имеет место обращение к «народному/кочевому» через выявление в оконной солнцезащите конструктивных элементов каркаса юрты – *кереге*. Интеграция конструктивных черт юрты также прослеживается в декоративном исполнении центрального светового колодца, расположенного над главным холлом библиотеки, напоминающим *тундук* ². В композиционном решении здания библиотеки прослеживается особое влияние киргизского декоративно-прикладного искусства, обладающего наиболее сильной художественной традицией для данного этноса. Так, проектировщики стремились использовать принцип организации пространства орнаментальных композиций войлочных изделий, воссоздавая в сооружении здания библиотеки центрическую композицию, окаймляя ее монолитными геометрическими «узорами».

Рис. 15. Библиотека им. В. И. Ленина, арх.: С. Б. Нургазиев, К. Ибраев, Р. К. Асылбеков и др., 1984 г., г. Фрунзе, Киргизская ССР.

Обращение к «народному/традиционному» в проектных решениях архитекторов советских Казахстана и Кыргызстана не имело системного характера в отличие от «среднеазиатского регионализма». Отсутствие определенного единообразия разработанных конструктивных решений и композиционных приемов свидетельствует о разрозненных попытках республиканских проектировщиков выявить принципы конструирования «национального» на основе апеллирования к кочевому зодчеству и декоративно-прикладному искусству. Более значительным в данном случае является вклад архитекторов Киргизской ССР несмотря на то, что в большей степени архитектурно-художественные решения киргизских проектировщиков были ориентированы на достаточно выраженное цитирование конструктивных элементов юрт и в меньшей степени направлены на подготовку решений по интеграции принципов кочевого зодчества в сформированную систему модернистского формообразования.

Значимым для изучения «народного/кочевого» в зданиях эпохи советского модернизма является обращение к кочевому декоративно-

² Конструкция сферической формы, венчающая киргизскую юрту.

прикладному искусству, используемому для воспроизведения особенностей организации орнаментального пространства художественных изделий и их последующей интеграции в формируемую архитектурную композицию. Необходимо отметить, что рассматриваемая направленность архитектурно-художественной мысли сложилась благодаря активному вовлечению в процесс проектирования архитектурных сооружений представителей кыргызской культуры, чье достаточно сильное влияние на разрабатываемые архитектурные решения позволило выявить «национальное» звучание кыргызского кочевого зодчества в советской модернистской архитектуре.

Таким образом, «национальное» в архитектуре советской Центральной Азии 1955–1991 гг. является достаточно сложным явлением. Завершая представленное исследование, важно вновь обозначить ключевые факторы, повлиявшие на конструирование «национального» в архитектурной практике изучаемого региона.

Так, при формировании «национального» в архитектуре Центральной Азии проектировщики обращались к двум наиболее значимым факторам, обозначенными нами терминами «среднеазиатский регионализм» и «национальное/кочевое». Основаниями для их разграничения являлись историко-культурные первоисточники. Таковым для «среднеазиатского регионализма» являлась выдающаяся эпоха Тимуридов и ее архитектурное наследие. Тогда как «национальное/кочевое» было

сформировано при попытке проектировщиков выявить особенности традиционной для казахского и кыргызского этносов архитектуры и художественной культуры. Обозначенные факторы позволяют сегодня не только провести более точное описание зданий и архитектурных сооружений в данном регионе, но и зафиксировать уникальность подготовленных проектных решений советскими архитекторами из центральноазиатского региона эпохи советского модернизма.

Однако важно отметить, что «среднеазиатский регионализм» и «национальное/кочевое» не являются единственными факторами, позволяющими сконструировать «национальное» в архитектуре 1955–1991 гг. в Центральной Азии. При изучении данного феномена также важно учитывать особенности историко-культурного контекста рассматриваемой территории: взаимодействие городской и кочевой культур, особенности исламизации данного региона и степень влияния ислама на архитектурную практику народов Центральной Азии, вклад советских «архитекторов-интернационалистов» (прибывших из «центральных» регионов СССР) и «местных» проектировщиков на конструирование «национального». Безусловно, некоторые из вышеперечисленных факторов уже были заявлены в рамках представленного исследования. Однако их изучение требует более подробного рассмотрения в дальнейшем, что, в свою очередь, демонстрирует перспективность заданного исследовательского вектора.

Библиографический список

1. Айдарова-Волкова, Г. Н., Краснобаев, И. В. Национально-региональные основы архитектуры Татарстана в трудах С. С. Айдарова [Текст] / Г. Н. Айдарова-Волкова, И. В. Краснобаев. – Казань: КГАСУ, 2014. – 309 с.

2. Астафьева-Длугач, М. И. Архитектура СССР, 1917–1987 [Текст] / М. И. Астафьева-Длугач. – Москва: Стройиздат, 1987. – 552 с.
3. Глаудинов, Б., Сейдалин, М. Г., Карпыков, А. С. Архитектура Советского Казахстана [Текст] / Б. Глаудинов, М. Г. Сейдалин, А. С. Карпыков. – Москва: Стройиздат, 1987. – 319 с.
4. Годовой технический отчёт проектной организации «Киргизгипрострой», 1980 г. [Текст]. – Бишкек, 1980.
5. Денике, Б. П. Архитектурный орнамент Средней Азии [Текст] / Б. П. Денике. – Москва; Ленинград: Изд-во Всес. акад. архитектуры, 1939. – 228 с.
6. Кадырова, Т. Ф. Искусство Советского Узбекистана [Текст] / Т. Ф. Кадырова. – Москва: Стройиздат, 1987. – 400 с.
7. Курапова, Е. Р. «Задачи по быстрейшей ликвидации последствий землетрясения... будут успешно выполнены» [Текст] / Е. Р. Курапова // Исторический архив. – 2016. – № 2. – С. 3–16. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25904285> (дата обращения: 26.06.2024).
8. Нусов, В. Е. Архитектура Киргизии с древнейших времен и до наших дней [Текст] / В. Е. Нусов. – Фрунзе, 1971. – 150 с.
9. Паперный, В. З. Культура Два [Текст] / В. З. Паперный. – Москва: Новое литературное обозрение, 2022. – 416 с.
10. Поляков, Г. М., Бухарова, Е. А. Архитектура советского модернизма в Киргизии: опыт формирования национальной архитектурной школы [Текст] / Г. М. Поляков, Е. А. Бухарова // KANT: Social Sciences & Humanities. – 2023. – № 4 (16). – С. 102–112. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54738610> (дата обращения: 15.07.2024).
11. Пугаченкова, Г. А. Выдающиеся памятники архитектуры Узбекистана [Текст] / Г. А. Пугаченкова. – Ташкент: Гослитиздат УзССР, 1958. – 292 с.
12. Пугаченкова, Г. А., Маньковская, Л. Ю. Межреспубликанская зональная конференция среднеазиатской региональной группы Комитета ИКОМОС [Текст] / Г. А. Пугаченкова, Л. Ю. Маньковская // Архитектура и строительство Узбекистана. – 1984. – № 4. – С. 5.
13. Рябушкин, А. В. Гуманизм советской архитектуры [Текст] / А. В. Рябушкин. – Москва: Стройиздат, 1986. – 376 с.
14. Халит, Н. Отголоски образов кочевого прошлого в архитектуре казанских татар [Текст] / Н. Халит // Известия Казанского государственного архитектурно-строительного университета. – 2011. – № 15. – С. 51–59. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16456817> (дата обращения: 13.07.2024).
15. ЦГА КР. Ф. 5. Оп. 2. Ед. хр. 290.
16. Яралов, Ю. С. Национальное и интернациональное в советской архитектуре [Текст] / Ю. С. Яралов. – 2-е изд. – Москва: Стройиздат, 1985. – 224 с.

References

1. Aidarova-Volkova, G. N., Krasnobaev, I. V. (2014). National and regional foundations of Tatarstan architecture in the works of S. S. Aidarov. Kazan: KGASU, 309
2. Astafyeva-Dlugach, M. I. (1987). Architecture of the USSR, 1917–1987. Moscow: Stroyizdat, 552
3. Gludinov, B., Seydalin, M. G., Karpikov, A. S. (1987). Architecture of Soviet Kazakhstan (in Russian). Moscow: Stroyizdat, 319.
4. Kyrgyzgiprostroy. (1980). Annual technical report (in Russian). Bishkek.
5. Denike, B. P. (1939). Architectural ornament of Central Asia. Moscow; Leningrad: Publishing House of the All-Union Academy of Architecture, 228.

6. Kadyrova, T. F. (1987). *Art of Soviet Uzbekistan*. Moscow: Stroyizdat, 400.
7. Kurapova, E. R. (2016). "Tasks for the rapid elimination of the consequences of the earthquake... will be successfully completed": Memorandum of the Chairman of the State Construction Committee of the USSR I. T. Novikov on the restoration of Tashkent. *Historical Archive*, (2), 3–16. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25904285>
8. Nusov, V. E. (1971). *Architecture of Kyrgyzstan from ancient times to the present day*. Frunze, 150.
9. Paperny, V. Z. (2022). *Culture Two*. Moscow: New Literary Review, 416.
10. Polyakov, G. M., Bukharova, E. A. (2023). Soviet modernist architecture in Kyrgyzstan: Formation of a national school. (*KANT: Social Sciences and Humanities*, (4), 102–112. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54738610>
11. Pugachenkova, G. A. (1958). *Outstanding architectural monuments of Uzbekistan*. Tashkent: Goslitizdat UzSSR, 292
12. Pugachenkova, G. A., Mankovskaya, L. YU. (1984). Inter-republic zonal conference of the Central Asian regional group of the ICOMOS Committee. *Architecture and Construction of Uzbekistan*, (4), 5.
13. Ryabushkin, A. V. (1986). *Humanism of Soviet architecture*. Moscow: Stroyizdat, 376.
14. Khalit, N. (2011). Echoes of nomadic past images in the architecture of Kazan Tatars. *Bulletin of the Kazan State University of Architecture and Civil Engineering*, (15), 51–59. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16456817>
15. Central State Archive of the Kyrgyz Republic. F. 5, Op. 2, File 290.
16. Yaralov, YU. S. (1985). *National and international in Soviet architecture*. Moscow: Stroyizdat, 224.